

Анекдоты о стародавних жителях Анадыря

Аннотация. Статья посвящена описанию анекдотов о глупцах, известных в записи с реки Анадырь конца XIX в. Они сопоставлены с анекдотами на сходные сюжеты, записанными в других регионах (на Украине, в Бурятии, в Западной Сибири, на русском Севере). В отличие от большинства записей, в рассматриваемых текстах герои анекдотов связаны с определенной местностью, а именно с поселениями на реке Анадырь. Ряд сюжетов обнаруживает сходство с историческими преданиями, известными на реке Колыме; однако эти сюжеты в анекдотах подвергаются инверсии, становясь пародийными.

The paper deal with the description of the satirical tales about fools collected on the Anadir river in the late XIX c. They correspond to satirical tales on similar motives collected in other regions (in Ukraine, in Buryatia, in West Siberia, in Russian North). Unlike the most of records, in the analyzed texts the characters of the satirical tales are attributed to a certain region, that are the villages on the Anadir river. A number of motives bear resemblance to historical legends known on the Kolyma river; but these motives in the satirical tales are inversed and have become parodical.

Ключевые слова: анекдот, анекдоты о глупцах, сюжет, русский фольклор Сибири.

Satirical tales, satirical tales about fools, motif, Russian folklore of Siberia.

УДК: 398.23(571.651)(=161.1)

Контактная информация: 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а. Институт мировой литературы, отдел фольклора. E-mail: yvonrims@mail.ru.

В свое время мне довелось доказывать, что пошехонцы изначально не имели никакого отношения к анекдотам о глупцах [Смирнов 1999: 52–59].

По неизвестным причинам литератор В.С. Березайский в конце XVIII в. привязал к пошехонцам несколько анекдотов, что – опять же непонятно отчего – было благосклонно воспринято просвещенными людьми. Отождествление пошехонцев с анекдотичными глупцами превратилось в непреходящую традицию, отнюдь не фольклорную, но довольно устойчивую. Посредством бездумного именованья пошехонцами всех анекдотичных глупцов эту традицию попробовал превратить в совершенно фольклорную Н.П. Андреев в 1929 г. И фольклористы было восприняли это отождествление за правомерное, т. е. за подлинно народное. Эта зачарованность отождествлением, наверное, не позволяла и некоторым собирателям интересоваться у рассказчиков, к какой же местности они привязывают героев и события, описанные в анекдотах.

Просматривая опубликованные анекдоты о глупцах, нетрудно заметить отказ русских рассказчиков от привязки глупцов к какой-либо местности. Кроме двух-трех случаев сомнительного отождествления глупцов с пошехонцами, совершённого скорее всего публикаторами под влиянием Н.П. Андреева, четко видно, что русские рассказчики, в отличие, например, от польских, избегали называть места действия и по ним персонажей. Судя по известным материалам, никто из собирателей не спрашивал рассказчиков, отчего они никак не называют места действия и глупцов. Очевидно, рассказчики не стремились обидеть или оскорбить жителей ближних и даже дальних мест. Иначе говоря, они не создавали повод для вражды с кем-либо.

Пока открылся только один случай неподдельного отождествления анекдотичных глупцов с народом, будто бы обитавшим по берегам реки Анадырь на Чукотке. Этот случай непроизвольно предложен любознательным людям неким Дьячковым, жителем с. Марково на среднем Анадыре. Его рукопись была обнаружена в бумагах Л.Ф. Гриневецкого, первого начальника Анадырского округа, умершего в 1891 г. Вскоре после этого рукопись была опубликована стараниями Ф.Ф. Буссе [Анадырский край 1893]. По мнению публикатора, рукопись была подготовлена Дьячковым именно по заказу Гриневецкого.

Буссе представил автора «обруселым чуванцем», что вроде бы подтверждается признанием самого Дьячкова: «Бабушка моя, т. е. мать моего отца, знала несколько чуванских слов» [Там же: 101]. Однако ранее Ф.Ф. Буссе, не вдаваясь в подробности, утверждал: «Предок нынешних Дьячковых происходил от коряков, теперь осёдло живущих по правому берегу Пенжинской губы» [Там же: 88]. Следовательно, уместно полагать, что автор рукописи имел разные этнические корни. В условиях с. Марково это, наверное, было нормой. Между членами мелких этнических групп, заселявших Марково, по датировке Дьячкова, всего лишь с 30-х гг. XIX в., неизбежно существовали разные степени родства. Люди, конечно, боялись кровосмешения и старались избегать его. Они по воле или поневоле

вступали в смешанные браки. Смешанный этнический состав вынуждал выбрать для общения один язык. И им, естественно, стал русский, и вместе с ним стала усваиваться русская фольклорная традиция. Марковцы знали виноградья и лирические песни, некоторые баллады и даже былины [Русская эпическая поэзия... 1991, Шенталинская 1999], а также, судя по рукописи Дьячкова, былички, предания и анекдоты.

Дьячков ничего не сообщил из своей биографии. Неизвестно, где он выучился не просто грамоте, но владению русским литературным языком. Для жителя села, очень далекого даже от самой захудалой гимназии, уровень способностей Дьячкова довольно высок.

Он не назвал людей, от которых слышал фольклорные тексты. Вместо этого время от времени он пользовался лишь одним словом: «рассказывают». Поскольку Дьячков усвоил тексты настолько, что сумел внятно передать их на бумаге, то изложенное им считается у фольклористов самозаписью, более ценимой, нежели запись заезжего человека.

Дьячков передал на бумаге, разве что за одним исключением, тексты явно русского происхождения. Тексты и написаны на русском языке. Следовательно, их нужно считать принадлежащими несомненно к русской фольклорной традиции. Между тем они не были учтены составителями соответствующих указателей народной прозы.

Анекдоты о глупцах чаще всего предваряются рассказом о забавном происшествии, в котором члены некоей семьи оказываются один глупее другого. Лишь один человек в семье, обычно отец или сын, выделяется своим здравомыслием. Он настолько поражен глупостью родичей, что решает, пойдя по белу свету, поискать людей, более глупых, чем его родичи. Здравомыслящий человек посещает одну деревню за другой и всюду находит людей, совершающих столь же или еще более глупые поступки. Он не выходит за пределы своего этнического мира. Все глупцы в этих рассказах принадлежат к одному, к нашему народу.

У Дьячкова эта традиция нарушена. У него вместо русского народа представлены загадочные этнические предшественники:

«Рассказывают, будто бы в непамятные для нас времена в верховья Анадыря и на покатоности к Колымскому морю жили какие-то необыкновенно дикие люди, их называют *ванцами*» [Анадырский край 1893: 133].

Такое именование анекдотичных глупцов в известных источниках более не встречается. И из самого с. Марково нет иных сведений, которые хотя бы подтверждали знание о ванцах как об этнических предшественниках жителей Анадыря. Но это не означает, что Дьячков придумал ванцев.

Еще какие-то сведения о ванцах с Анадыря неизвестны (быть может, пока); однако по местным меркам сравнительно недалеко к западу, на нижней Колыме, бытовали представления о *вансах*. Даже в 1982 г. в г. Походске, в условиях отмирания местной фольклорной традиции, мне случилось услышать о вансах. Правда, мне передавали не анекдоты, а краткие предания, что в эволюционном плане имеет значение. Предания о вансах возникали явно раньше анекдотов. Нужно было изжить действительную угрозу в виде вансов для того, чтобы перейти к насмешкам над исчезнувшим противником. Дьячков, конечно, не придумал прикрепление анекдотов к ванцам, он добросовестно изложил на бумаге то, что слышал. Представления о вансах сложились, разумеется, на Колыме. Оттуда их унесли русские и чуванцы, вновь заселяя Анадырь. Об этом свидетельствует и упоминание Дьячковым «покатоности к Колымскому морю».

Какую именно жанровую форму (предания, анекдоты, или и то и другое) унесли переселенцы на Анадырь, сказать нельзя, поскольку на одной реке было замечено бытование только преданий, а на другой – только анекдотов. Время и место замены преданий анекдотами остались неизвестными.

Сам Дьячков, скорее всего, не знал настоящих преданий о ванцах, иначе он не преминул бы их привести. За предания он принял анекдоты и пересказал их для будущих читателей. Об этих текстах и пойдет здесь речь. Что же касается колымских преданий о вансах, то их уместнее рассмотреть отдельно, с возможным привлечением скудных сведений об иных исчезнувших народах.

Написав всего лишь одну вступительную фразу о ванцах, Дьячков поспешил изложить подряд пять анекдотов. Первым из них идет рассказ о перенесении в жилище солнечного света:

«Рассказывают, что когда, бывало, им случится построить какую-нибудь деревянную или земляную юрту без трубы и окон, т. е. в новом убежище нет света, то хозяин посылает всё семейство втаскивать подолами солнечный свет в свою хату. Всё семейство выбегает на улицу, за-

хватывает подолами свет и вбегает в дом, там открывают свои подола, но никакого света не оказывается» [Там же: 133–134].

Этот рассказ известен многим народам, прежде всего индоевропейцам, и относится к индоевропейскому наследию. Его знали и все восточные славяне [СУС 1979]¹, причем чаще всего его записывали не среди русских, а на Украине, главным образом на ее западе. Ретивости в его записи русские и белорусские собиратели не проявляли, наверное, имея в виду его расхожесть. Среди русских европейской части страны бытование этого анекдота отмечено записями на северо-западе и на севере, откуда и устремлялись люди за Урал. В Сибири бытование анекдота иногда замечалось в Прииртышье, в Томской области и в Тункинской долине, что к юго-западу от Байкала². Все сибирские варианты представляли собою соединение нескольких текстов (разные контаминации), среди которых помещался и этот анекдот. В них говорится о новом доме (избе), почему-то построенном без окон, – у Дьячкова сказано о юрте, местном жилище, сооружавшемся действительно без окон. В русских текстах солнечный свет пытаются перенести в решётах, в лукошке, даже в корыте, – у Дьячкова свет будто бы несут в подолах, и под подолом здесь разумеется явно не нижняя часть женского платья, а низ опять же местной верхней меховой одежды. Русские реалии тут сняты и заменены своими. Текст таким образом стал понятным для местных слушателей.

К нему тотчас был присоединен вкратце переданный сюжет о вынесении дыма из того же жилища, в какое пытались занести свет:

«Потом начинают разводить огонь, но как нет трубы, комната наполняется дымом, тогда хозяин опять кричит на семейство: «Выносите дым мешками или подолами!» Семейство начинает выносить дым из своей хаты, но дыма не убавляется» [Анадырский край 1893: 134].

Этот сюжет, как ни странно, редко считали нужным отмечать записями [СУС 1979: № 1245 А*]. Его, по-видимому, создали русские. Он чаще передавался в связке с текстом о перенесении солнечного света. Эту связку знал уже В.С. Березайский и включил в свой цикл о пошехонцах. Она бытовала на Русском Севере³. Она отмечена и сибирскими записями — в Омской и Томской областях [Соболева 1981: № 73, 95]. У Дьячкова, следовательно, воспроизводится именно такая связка. Рассказчики помещали ее в состав произвольной контаминации нескольких анекдотов, своего рода цикла, заключенного в один большой рассказ. Какой была контаминация, бытовавшая на нижней Колыме и на Анадыре, неизвестно. Однако в нее вряд ли традиционно входил третий по счету анекдот, изложенный Дьячковым:

«Одному такому дикарю случилось заглянуть в проруб, и когда увидел там своё изображение, то пустился с ним в разговор, думая, что в воде какая-то женщина. “Ну что, пойдёшь за меня замуж?” – спрашивает у своей тени; та молчит, — “Должно быть желает, – говорит про себя ванец, – нужно подарки ей дать”. Идёт он домой, приносит к прорубе что ему придумается, начинает спускать в проруб всё принесённое; если вещь лёгкая, одежда или одеяло, остаётся на поверхности воды, — тогда он думает, что она одной такой вещи не принимает, что нужно парочку; затем он привязывает к такой вещи нужный (тяжёлый) камень или каменный молот, и вещи идут ко дну, — и тогда он воображает, что невеста принимает его подарки. После всех подарков опять видит в прорубе своё лицо: “Теперь, — говорит он, — она самого меня дожидается”, – и спускается в проруб к своей невесте. Тогда уже кончаются все его мечты» [Анадырский край 1893: 134].

Среди известных текстов о глупцах не встречается хотя бы один, в состав которого входил бы сюжет о том, как некий человек принял за женщину свое отражение в воде. Больше того, подобный

¹ Здесь и далее в статье: СУС – «Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка» (сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.Д. Кабашников, Н.В. Новиков; отв. ред. К.В. Чистов. М., 1979). Хотя после издания СУС выходили сборники, содержавшие и этот анекдот – обычно в составе какой-нибудь произвольной контаминации, – здесь на них отсылки почти не даются, ибо в них не наблюдаются отклонения от уже известных версий.

² Они опубликованы в антологии: [Соболева 1981: № 73, 75, 95, 99]. В вышедшем позже соответствующем указателе добавлений не имеется, см.: [Соболева 1984: 140].

³ Эту связку (одни глупцы решётами носят свет, а другие – выносят чад) см., например, в конце пространной контаминации: *Сказки Кенского волочка* / Изд. подгот. Ю.И. Смирнов. Архангельск, 2004. № 33. В примечании также дана отсылка на опубликованные два текста севернорусской записи.

текст не встретился в русских публикациях и в виде самостоятельного произведения. Кое-какие размытые переключки и антитезы просматриваются совсем в другой серии анекдотов — об одиночном дураке (см., например, тексты типа: [СУС 1979: № 1642, 1643, 1681 А, 1691]). В силу сказанного можно полагать, что текст о ложно воспринятом отражении в воде так, как он передан Дьячковым, вероятно, восходит к какой-то иной, нежели русская, фольклорной традиции. За отсутствием подтверждений нельзя сказать, сам ли Дьячков или какой-то его предшественник решил включить этот анекдот в цикл сказок о ванцах.

Анекдот не содержит реалий, сближающих его с преданием. Тут он призван выпятить дикость и даже умственную ограниченность ванцев. Кое-где на Русском Севере, правда, обычно с привлечением реалий, так же старались расписать дикость чуди белоглазой.

В отличие от третьего четвертый анекдот, написанный Дьячковым, относится к серии текстов о глупцах. Его иногда находили среди русских, в Европейской части страны — на севере [СУС 1979: № 1275], а в Сибири — в Красноярске и в Омской области [Соболева 1981: № 114, 118]. Всюду его обнаруживали в виде самостоятельного произведения. В нем описывается поездка глупцов с целью «посмотреть Москву», — нечаянно для себя они родную деревню принимают за Москву. Такая цель поездки могла попасть в анекдот поздно, лишь после того как Москва превратилась в признанный всеми русским центр государства.

У Дьяčkова целью поездки назван военный поход:

«Иногда они занимались и войной, сговорившись между собою, отправлялись в поход (они ездили на оленях, запряжённых в санки). Если узнает о их походе какой-нибудь умный человек, то подкрадывается во время их сна к лагерю и поворачивает сани передом в ту сторону, откуда они приехали, т. е. к их дому. Поутру вставши, запрягают оленей и отправляются не туда, куда намерены были, а туда, куда их сани направлены. Таким образом приезжают к своему жилью и начинают убивать своих жён, детей и прочих соседей. Если один из них увидит свою жену, тогда обращается к своему товарищу с словами: “Совершенно на наших жён походят”. А товарищ подтверждает его мнение, что действительно походят. А после битвы, при разграблении имущества, сам же хозяин про свой дом рассуждает: “Совершенно на мой дом походит”. Такое же рассуждение бывает при каждой собственной вещи» [Анадырский край 1893: 134–135].

В анекдот перенесены подробности жестоких действий врагов при нападении, — они позаимствованы из преданий, которые бытовали на нижней Колыме и, очевидно, были унесены на Анадырь. Какие именно предания о нападениях врагов знали на Анадыре, осталось неизвестным. Анекдоту же намеренно придан вид предания, а в результате получилось пародирование предания.

Пятый и последний у Дьяčkова анекдот так же находили лишь в виде самостоятельного произведения. Он тоже, подобно четвертому тексту, относится к серии о глупцах:

«Если случится им когда-либо переправляться через реку, то срубуют толстое бревно, конечно, не сырое, а сухое, и садятся на оно по несколько человек, опустивши ноги в воду, а прочие товарищи привязывают их ноги ниже бревна и выталкивают на реку, а тут, понятное дело, круглое бревно на воде неустойчиво и тотчас повёртывается, а пловцы оказываются ногами кверху, а головою вниз, и в таком положении безвозвратно уносятся течением реки, а оставшиеся товарищи ещё кричат им сзади: “Зачем начали рано ноги сушить?”» [Там же: 135].

Дьячкову, по-видимому, не были известны такие реалии, как лапти и онучи, о которых неизменно говорится в вариантах, записанных далеко от Анадыря. Поэтому у него речь идет не о лаптях или онучах, а просто о ногах, которые будто бы начали сушить бестолковые пловцы. Этот анекдот, по-видимому, остался неведомым для украинцев. Его изредка записывали среди белорусов и кое-где от русских [СУС 1979: № 1293 В*]. В Сибири его нашли только однажды — в Тункинской долине [Соболева 1981: № 120]. Только у Дьяčkова и этот анекдот воспринят как предание.

Изложив фольклорные тексты, Дьячков очень сдержанно заключил: «Вследствие такой дикой жизни от сказанного племени не осталось никого, все без остатка погибли. Действительно ли были такие дикари или это одни басни, верно сказать не могу, потому что в простонародных рассказах бывает много прибавлений» [Анадырский край 1893: 135].

- Анадырский* край. Рукопись жителя села Маркова Дьячкова. С предисловием Ф.Ф. Буссе // Записки Общества изучения Амурского края. Владивосток. 1893. Т. II.
- Русская* эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Изд. подгот. Ю.И. Смирнов и Т.С. Шенталинская; Отв. ред. Б.Н. Путилов. Новосибирск, 1991. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Смирнов Ю.И.* Анекдоты и пошехонцы // Пошехонские чтения-99. Русская народная культура и ее этнические истоки. М., 1999. С. 52–59.
- Соболева Н.В.* Русские народные сатирические сказки Сибири. Новосибирск, 1981.
- Соболева Н.В.* Типология и локальная специфика русских сатирических сказок Сибири. Новосибирск, 1984.
- СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.Д. Кабашников, Н.В. Новиков; Отв. ред. К.В. Чистов. М., 1979.*
- Шенталинская Т.С.* «Не прошло и ста лет...» Фонографические записи русского фольклора американской Северо-Тихоокеанской экспедиции // Живая старина. 1999. № 2. С. 31–34.